

**ETHNO-POLITICAL SITUATION ON THE EAST BORDERS
OF BOSPORUS IN III - I CENT. BC**

Purpose

The questions of the Bosphorus-barbarian relations in the Hellenistic period are examined in the article. Broadening the range of archaeological sources in the last decade, re-actualizes the problem of the causes of the crisis at the beginning of III century BC in the northern Black Sea coast. Observable changes in the economic and political life of the Bosphorus explained by the Sarmatian aggression to the west is not confirmed. Thereby a chronology and settlement patterns of the Scythian and Sarmatian tribes in the North-Eastern Priazov and Kuban regions - where could come a threat to Bosphorus from. The article draws attention to the materials of the "Great Greek Colony" and its activities on the Lower Don region at the beginning of III century BC. The article also contains a description of the Bosphorus-Meotian trading in the Kuban region and mentions the factors that may have determined its reduction.

Approach

The study is based on a critical analysis of written, numismatic and archaeological sources, involving the materials of the Sarmatian burial, mounds and settlements of the Lower Don and Kuban region, ceramic complex, especially amphorae. Particular attention is drawn to the data obtained in the course of archaeological research in the last decade of the 20th and early 21st centuries. Therefore, the content and types of the source base are sufficiently representative (indicative) and diverse, which makes it possible to conduct an objective investigation of the issue. It begins with a brief overview of the historiographical problems, analyzes of work, which is characterized by barbarian tribes settling in the Lower Don region in the Hellenistic period. The author comes to the conclusion about the relevance of the study.

Findings

The study determines that in the IIIrd century BC in the Lower Don and the North-East Priazov regions a new ethno-political situation is forming.

Archaeological material does not become an evidence of the big ethnic groups in the examined region. The fact is that the Scythian population at the beginning of the IIIrd century BC was few and not aggressive. Significant role in the political history of the North-Eastern Priazov region played Tanais, founded in the early IIIrd century BC. This led to a peaceful nature of its relationship with the barbarian periphery tribes.

Underlining the fact that since the end of the IVth BC century Kuban region experienced its own internal difficulties in the first quarter of the IIIrd BC not only the volume but also the range of incoming wine is reducing.

Research implications

The study of this issue reveals a new side of the Bosphorus relations with the barbarous community. It shows that there is no reason to consider the Sarmatians as the source and cause of the crisis in the northern Black Sea Coast in the IIIrd century BC. Their impact on the socioeconomic processes of the Bosphorus was mediated.

Value

The development of this topic has a practical value for deciding the ratio of internal and external factors in the development of the state and society. It can make the prospect of studying a sociopolitical.

Keywords: *the Bosphorus, social and political development, archaeological researches, the monuments of the Kuban area, the lower Don territory, Scythian, Sarmatian, Meotian tribes.*

Лариса Шепко

(д.и.н., проф. каф. всемирной истории ДонНУ. ppakra@mail.ru)

ЭТНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ НА ВОСТОЧНЫХ РУБЕЖАХ БОСПОРА В III–I ВВ. ДО Н.Э.

В статье рассматриваются вопросы боспоро-варварских взаимоотношений в эллинистический период. Расширение круга археологических источников в последние десятилетия вновь актуализирует проблему причин кризисных явлений в начале III в до н.э. в Северном Причерноморье. Исследование основывается на критическом анализе письменных, нумизматических и археологических источников. Привлечены материалы сарматских погребений, городищ и поселений Нижнего Дона и Прикубанья, керамического комплекса, прежде всего, амфорной тары. Особое внимание обращено на данные, полученных в ходе археологических исследований в последние десятилетия XX- начале XXI в.

Фиксируемые изменения в экономической и политической жизни Боспора, объясняемые сарматской агрессией на запад, не находят подтверждения. В связи с этим рассматриваются хронология и характер расселения скифских и сарматских племен в Северо-Восточном Приазовье и Прикубанье – регионах, откуда могла исходить угроза Боспору. Обращается внимание на материалы «Большой греческой колонии» на Нижнем Дону и ее деятельность в начале III в. до н.э., приводится характеристика боспоро-меотской торговли в Прикубанье, В статье отмечается, что изменения на Боспоре в III–I до н.э. могли явиться следствием перемен в варварском окружении Боспора. Но существенного влияния на характер общества не оказали, так как четкой и однозначной синхронизации событий не просматривается. Анализ этнополитической ситуации в Нижнем Подонье и Прикубанье не позволяет рассматривать сарматов как главный ис-

точник и причину кризисных явлений в Северном Причерноморье III в. до н.э. Их влияние на социально-экономические процессы Боспора было опосредованным.

Ключевые слова: Боспор, социально-политическое развитие, археологические исследования, памятники Прикубанья, Нижнего Подонья, скифы, сарматы, меоты.

Северо-восточное Приазовье и Нижнее Подонье в эпоху эллинизма являлись зоной контактов кочевников и греков-боспорян, а позднее, в первые века н.э. – и донских меотов. Перегруппировки в варварской среде неоднократно являлись фактором экономических и политических изменений в эллинских центрах Северного Причерноморья. С рубежа IV-III в. до н.э. в Нижнедонском регионе формируется новая этно-политическая ситуация, происходят процессы установления контактов или конфронтации скифов и сарматов.

В ряду факторов, обуславливавших социально-политическое развитие Боспора в этот период, ряд исследователей ведущую роль отводит активным перемещениям сарматских племен [1].

Расширение круга археологических источников в последние десятилетия вновь актуализирует проблему причин кризисных явлений в начале III в. до н.э. в Северном Причерноморье. Изменения в экономической и политической жизни Боспора, зафиксированные в археологическом материале, не могут быть однозначно интерпретироваться в рамках «сарматской агрессии» на запад. В связи с этим целью данной статьи является анализ хронологии и характера расселения скифских и сарматских племен в Северо-Восточном Приазовье и Прикубанье – регионах, откуда могла исходить угроза Боспору.

В последние десятилетия проблемы расселения скифских племен в Северном Причерноморье, начало контактов и их характер с сарматским миром получили определенное разрешение. Несколько диссертационных исследований посвящено именно аспектам этнической истории Северо-Восточного Приазовья от IV в. до I вв. до н.э. (В.П.Копылов, В.П.Глебов, А.Н.Коваленко, А.А.Харченко) [2]. Имеющийся материал рисует довольно сложную этническую картину Нижнего Подонья и Северного Приазовья. Лишь ко II в. до н.э. эти земли были прочно заняты представителями сарматского круга племен – прохоровцами, начавшими вторжение в Скифию.

Центром сарматского мира являлись Нижнее Поволжье и Нижний Дон. Значительная концентрация сарматских погребений IV–III вв. до н.э. наблюдается в области, непосредственно расположенной к западу от Дона. В пределах Ростовской и Волгоградской областей сосредоточен был основной массив сарматских комплексов I–II вв. н.э. [3].

В Северном Причерноморье к концу XX в. учтено свыше 1250 погребений и отдельных находок сарматской культуры. В раннесарматский период они представлены единичными погребениями и кладами или случайными находками, главным образом в междуречье Дона и Днепра. В среднесарматский период места их концентрации отмечаются в междуречье Днестра и Прута, в среднем Поднепровье. В позднесарматское время компактные погребальные массивы выделены на Ле-

вобережье Днепра и в Поднепровье–Подунавье. Памятники Северо–Восточного Приазовья и Нижнего Подонья позволяют конкретизировать ситуацию, сложившуюся в регионе в начале III в. до н.э. Своеобразным индикатором изменений, происходящих в Северо–Восточном Приазовье, является Елизаветовское городище в дельте Дона. Материалы городища и его могильника второй половины IV в. до н.э. позволяют предполагать, что в третьей или на рубеже третьей–четвертой четвертей IV в. до н.э. ход спокойного развития обитавшего здесь населения был нарушен.

После прекращения жизни на Елизаветовском городище, на его место была выведена «Большая» греческая колония, которая, вплоть до своей гибели, являлась единственным крупным центром в Северо–Восточном Приазовье. В III в. до н.э. поселения, в большом количестве зафиксированные в дельте Дона в IV в. до н.э., прекратили свое существование. Поселения, входившие в орбиту влияния Елизаветовского городища, в начале III в. до н.э. постигла та же участь. Жизнь продолжалась на поселении, расположенном у основания Беглицкой косы. Находки III в. до н.э. присутствуют в материалах Ново–Золотовского городища, на левобережном донском поселении Кулешовка. В курганах, расположенных вблизи последнего, были обнаружены погребальные комплексы, синхронные «Большой» греческой колонии.

В целом анализ материалов «Большой» греческой колонии и других синхронных ей памятников Северо–Восточного Приазовья позволяет говорить все же о сравнительно стабильной военно–политической ситуации в регионе в начале III в. до н.э. Работы по восстановлению оборонительной системы Елизаветовского городища не были проведены. Первая треть III в. до н.э. характеризуется активной торговой деятельностью этой колонии. Комплексы с характерным для скифов погребальным обрядом присутствуют на левобережье Дона. Таким образом, эти данные позволяют предположить, что в конце IV или на рубеже IV–III в. до н.э. низовья Дона покинули лишь елизаветовские скифы и родственное им население устьевой области Дона [4].

«Большая» греческая колония функционировала до конца первой трети III в. до н.э., а затем была разгромлена. После ее гибели, в этом регионе получил развитие Танаис. На территории Нижнего Дона и Северо–Восточного Приазовья до настоящего времени не выделено погребений, которые бы надежно датировались в рамках середины второй – третьей четверти III в. до н.э. [5]. На левом берегу Дона в конце IV в. до н.э. или на рубеже IV–III вв. до н.э. появляется новое для региона население. Греческая керамика из левобережных погребальных комплексов синхронна времени существования «Большой» греческой колонии на месте Елизаветовского городища. Комплекс вооружения, набор погребального инвентаря и качественные характеристики погребальных комплексов отличается и от комплексов последней четверти IV в. до н.э. Елизаветовского могильника и от комплексов Беглицкого некрополя.

Новой экономической и военно–политической ситуацией, связанной с выведением в дельту Дона «Большой» греческой колонии, видимо, обусловлено фиксируемое в материалах погребальных комплексов Нижнего Дона и Северо–

Восточного Приазовья увеличение объема херсонесской продукции, появление амфор Книда и Коса, а также чернолаковой керамики с накладным орнаментом [6].

Следует отметить, что на территории Северо–Восточного Приазовья погребений, надежно датированных второй–третьей четверти III в. до н.э., не выявлено [7]. После гибели в конце первой трети III в. до н.э. «Большой» греческой колонии, на Нижнем Дону получает развитие Танаис, который по новейшим данным Т.М. Арсеньевой и С.А. Наumenко, также не имел рубежей обороны до конца III – начала II в. до н.э. Это, возможно, может указывать на стабилизацию военно–политической ситуации в регионе после гибели «Большой» греческой колонии в дельте Дона [8]. Танаис, основанный в начале III в. до н.э., становится важным центром транзитной торговли между кочевым населением региона и античными центрами, прежде всего, Боспором и Херсонесом. Это обусловило мирный характер взаимоотношений Танаиса с племенами варварской периферии, что подтверждается отсутствием каких–либо следов военной агрессии с их стороны в III–I вв. до н.э. Таким образом, скифское население в начале III в. до н.э. было немногочисленным в Северо–Восточном Приазовье и не располагало потенциалом к агрессии.

В контексте рассмотренных данных целесообразно привести картину этнополитического развития в Северо–Восточном Приазовье, полученную А.А. Харченко для данного региона по материалам III–I вв. до н.э.

В IV в. до н.э. главенствующее положение в Северо–Восточном Приазовье занимали носители культурных традиций, близких традициям скифов степного и лесостепного Поднепровья. Они контролировали Донскую дельту, Миусский полуостров, низовья Дона. Исследователь связывает с ними этноним «сирматы», упоминающийся авторами IV в. до н.э. Образование сирматского племенного объединения было связано с противостоянием скифов и родственных им племен в первой – второй трети IV в. до н.э. Результатом этого явилось обособление сирматов, установивших контроль над степями Северного Приазовья и территорией Донской дельты. В формировании этого объединения, исследователь отводит ведущую роль кочевникам правобережья Нижнего Дона, носителям скифских культурных традиций. Отдельные роды савроматов и прохоровцев могли входить в состав объединения. Археологический материал не позволяет говорить о присутствии крупных этнических общностей [9].

Тезис о сарматском вторжении в Скифию и упадке ее базируется на данных письменных источников. Сокращение скифских памятников в Причерноморье и прекращение традиции сооружения монументальных царских курганов обычно выстраивают в причинно–следственный ряд. Сведения о сарматах в Подонье и Причерноморье появляются у античных авторов IV–III вв. до н.э.: упоминание озера с дурным запахом (Сиваша?) в Сарматии у Гераклида Понтийского, легенда о сарматской царице Амаге Полиена, рассказ Диодора Сицилийского о разорении Скифии савроматами, декрет «О несении Диониса» и др. Однако эти данные отрывочны, противоречивы и допускают возможность различных трактовок [10].

Первым надежно датированным источником, упоминающим сарматов в Нижнем Подонье и Северо–Восточном Причерноморье, называют приводимый

Полибием договор 179 г. до н.э. между Фарнаком Понтийским и рядом малоазийских государств, в тексте которого среди европейских правителей упоминается сарматский царь Гатал (Polyb. XXV, 2, 12).

Проблемы в интерпретации сарматских памятников в Подонье и Приазовье наталкивались на трудности их этнической и хронологической атрибуции. Изучение памятников раннего железного века в Поволжье, Приуралье и Подонье, выделение локальных вариантов позволили составить картину сложных этногенетических и политических процессов, протекавших с V в. до н.э. и до середины II в. н.э. Исследование памятников нижнедонских кочевников показало, что Нижнее Подонье в IV – начале III вв. до н.э. не было сарматским. Можно говорить лишь об инфильтрации отдельных групп восточных номадов. Их памятники исчезают в начале III в. до н.э. вместе с памятниками других кочевников нижнедонского региона. Номады II–I вв. до н.э. представляли собой новый миграционный импульс с востока, гораздо более мощный, чем в IV в. до н.э., результатом которого явилось распространение сарматов в нижнедонском регионе и продвижение далее на запад до Днепра [11].

В материалах кочевнических погребений Нижнего Подонья фиксируется некоторая археологическая лакуна в пределах начала/первой трети III в. – рубежа III–II вв. до н.э. Можно предполагать лишь присутствие здесь небольших групп населения. Появление носителей раннесарматской культуры в Нижнем Подонье и Северном Причерноморье лишь на рубеже III–II или в начале II в. до н.э. косвенно подтверждается дестабилизацией ситуации в северопонтийском регионе. В это время возводятся укрепления в Танаисе, в Крымской Скифии, реконструируются укрепления Херсонеса и сокращается его хоры.

Раннесарматские памятники II–I вв. до н.э. сосредоточены на донском левобережье, около 400 комплексов. На правобережье Дона их немногим больше сотни. В глубинных районах степи погребальных памятников гораздо меньше, и представлены они, как правило, одиночными погребениями или небольшими сериями. Анализ взаимовстречаемости различных типов вещей позволяет выделить в вещевом материале две хронологические группы. Но дата раннесарматской культуры укладывается в рамки II–I вв. до н.э., вероятно, с заходом в начало – первую половину I в. н.э. [12].

Степное население Нижнего Подонья рассматриваемого периода может быть сопоставлено с этнонимом аорсы, упоминаемым Страбоном (Strabo. XI, 5, 8). Древний географ сообщает ряд интересных сведений об их торговле с боспорянами, участии в войне Фарнака с римлянами и др. Помимо аорсов на Дону, нарративные памятники фиксируют во II–I вв. до н.э. ряд новых этнонимов, среди которых верхние аорсы в Прикаспии, сираки в Предкавказье, роксоланы и сатархи в Северном Причерноморье. Вероятно, появление этого конгломерата ранее не известных народов связано с последствиями миграционной волны, исходным толчком явилось вытеснение хуннами юэчжей из Ганьсу в конце III – первой половине II вв. до н.э.

Исходя из вышеизложенного, Нижнее Подонье не могло быть базой сарматских набегов в III в. до н.э. и соответственно причиной кризисных явлений на Боспоре.

Другим регионом, из которого могла исходить угроза сарматских вторжений, являлось Прикубанье. В степях Правобережья Кубани появляются сарматские племена, предположительно сираки письменных источников [13]. Их появление рассматривается как основная причина сокращения боспорского зернового экспорта в то время, как источником поступления зерна для державы Спартокидов были меотские земли Прикубанья. В.В.Улитиным была предпринята попытка уточнить взаимосвязь ситуации на меотских территориях с началом упадка боспорского хлебного экспорта. По материалам амфорной тары выявлена следующая динамика развития торговли. Пик торговли приходится на вторую и третью четверти IV в. до н.э. В последней четверти того же столетия происходит достаточно заметное снижение объемов поступления вина (примерно на 20 %). В первой четверти III в. до н.э. оно было уже резким (почти в три раза по сравнению с последней четвертью IV в.), достигнув максимального падения во второй четверти того же века. В дальнейшем за весь доримский период развития греко–меотской торговли, несмотря на некоторое ее оживление в третьей четверти III и второй половине II в. до н.э., даже уровень первой четверти III в. до н.э. достигнут не был [14].

Говоря о причинах такого снижения товарообмена следует принять во внимание, прежде всего, войну 310–309 гг., с которой, вероятно, связано разрушение оборонительных стен Семибратнего городища [15].

Кроме того, в последнем десятилетии IV в. до н.э. в степях Прикубанья фиксируется уничтожение оборонительных сооружений части меотских городищ, прекращение сооружения богатых меотских курганов после конца IV в., что предполагает уничтожение меотской знати [16]. В последнем десятилетии IV в сираки расширяют свое господство в Прикубанье, что сказалось на положении меотских племен. Они вследствие этих событий могли испытывать трудности в производстве и поставках зерна в прежнем объеме. Связано ли это с установлением сарматского господства или другими процессами, остается предполагать. Но существенным фактом представляется то, что Прикубанье с конца IV в. до н.э. переживало собственные внутренние трудности.

В первой четверти III в. до н.э. сокращаются не только объемы поставок, но и ассортимент поступавшего вина. По отсутствию амфорного импорта на меотских памятниках Усть–Лабинской локальной группы предполагается практически полное прекращение торговли населения этой территории с Боспором до конца III в. до н.э.

Неблагоприятная для развития торговли обстановка подтверждается сокрытием кладов монет [17] и прекращением существования некоторых меотских памятников (Прикубанский могильник, могильник Лебеди III). Появление кладов, по мнению А.З.Аптекарева, свидетельствует о сохранении этих территорий в составе Боспора и в зоне его денежного обращения [18]. Традиционное объяснение этим фактам – денежный кризис и возникающая угроза, скорее всего, со стороны сираков (по крайней мере, для кладов на территории Приазовской низменности) [19].

Наиболее ранние сарматские курганы, связываемые с сираками, расположены довольно близко к меотским поселениям Приазовской низменности, где происходило сокрытие кладов, и к территориям, где вскоре прекратили существо-

вание некоторые поселения [20]. В слоях Елизаветинского и Краснобатареиного меотских городищ монеты периода кризиса, как и на Боспоре, наиболее многочисленны. Сокращение объемов хлебной торговли Боспора приходится на период еще до гибели поселений на хоре европейского Боспора [21], произошедшей уже во второй четверти века [22]. На Таманском полуострове какие-либо проявления кризиса хоры на протяжении III в. до н.э. отсутствуют [23]. Во второй четверти III в. до н.э. объемы торговли снижаются до минимума. Это позволяет во многом связывать начало заката боспорской зерновой торговли с ситуацией в Прикубанье [24]. Сокращение численности меотских поселений (Старонижестеблиевское поселение, поселение Виноградный-1) могло происходить не только из-за сиракского давления, но также и в результате внутригосударственных междоусобиц [25]. Резкое сокращение объемов поступления меотского зерна очень заметно и негативно сказалось на положении Боспора. Внешне логично выглядит версия А.Е. Терещенко, который одну из основных причин денежного кризиса на Боспоре видит в сокращении возможностей царства в экспорте зерна. Вследствие этого, во-первых, уменьшился ввоз вина и к меотам и в боспорские города, во-вторых, сократился приток золота и серебра на Боспор, что способствовало прекращению чеканки золотых и серебряных монет и развитию денежного кризиса [26].

Проведенный анализ греко-меотской торговли времени ее кризиса позволяет предполагать, что закат боспорской хлебной торговли мог быть во многом связан с резким сокращением меотских поставок зерна. Предположение о предпосылках кризиса Боспора, вызванного сарматскими вторжениями, может быть принято частично. Как вариант сарматского фактора можно рассматривать сиракское давление на меотские племена Прикубанья, что могло стать одной из причин сокращения вывоза хлеба. В связи этим и на фоне других материалов возникает вопрос о причинно-следственной связи. Сокращение поступления меотского зерна вызвало проблемы с экспортом у Боспора, или переориентация его экономики на виноделие стала причиной неостребованности прикубанского хлеба.

Рассмотренный материал, характеризующий взаимоотношения Боспора с местным варварским миром, перегруппировки в варварском окружении в позволяет сделать следующие выводы. Новые тенденции в экономическом развитии Боспора в III в. до н.э. коснулись двух структурных элементов общества – сельского хозяйства и денежного обращения. Изменения могли явиться следствием перемен в варварском окружении Боспора. Но существенного влияния на характер общества не оказали, так как четкой и однозначной синхронизации не просматривается. Анализ этнополитической ситуации в Нижнем Подонье и Прикубанье не позволяет рассматривать сарматов как главный источник и причину кризисных явлений в Северном Причерноморье III в. до н.э. Их влияние на социально-экономические процессы Боспора было опосредованным.

РЕЗЮМЕ

В статье рассматриваются вопросы боспоро-варварских взаимоотношений в эллинистический период. Расширение круга археологических источников в

последние десятилетия вновь делает актуальной проблему причин кризисных явлений в начале III в до н.э. в Северном Причерноморье. Исследование основывается на базе различных групп источников. Привлечены материалы сарматских погребений, городищ и поселений Нижнего Дона и Прикубанья, керамический комплекс. Проанализированы хронология и характер расселения скифских и сарматских племен в Северо-Восточном Приазовье и Прикубанье, материалы «Большой греческой колонии» на Нижнем Дону и ее деятельность в начале III в. до н.э., приводится характеристика боспоро-меотской торговли в Прикубанье. В статье отмечается, что четкой и однозначной синхронизации событий на Боспоре и в варварской среде не просматривается. Анализ этнополитической ситуации в Нижнем Подонье и Прикубанье не позволяет рассматривать сарматов как главную причину кризисных явлений в Северном Причерноморье III в. до н.э. Их влияние на социально-экономические процессы Боспора было опосредованным.

Ключевые слова: Боспор, социально-политическое развитие, археологические исследования, памятники Прикубанья, Нижнего Подонья, скифы, сарматы, меоты.

РЕЗЮМЕ

В статті аналізуються питання боспоро-варварських взаємовідносин в період еллінізму. Дослідження ґрунтується на критичному аналізі письмових, нумізматичних і археологічних джерел. Залучені матеріали поховального обряду скіфів, сарматів, населених пунктів пониззя Дону і Прикубанья, керамічного комплексу. Особлива увага приділена даним, що отримані в ході археологічних досліджень в останні десятиріччя XX- початку XXI ст. Результатом проведеного дослідження є визначення того, що етнополітична ситуація в Нижньому Подонні та Прикубанні не дозволяє розглядати сарматів як основну причину кризових явищ на Боспорі в III ст. до н.е. Їх вплив на соціально-економічні процеси державі був опосередкованим.

Ключові слова: Боспор, соціально-політичний розвиток, археологічні дослідження, пам'ятники Прикубанья, Нижнього Подонья, скіфи, сармати, меоти.

SUMMARY

The questions of the Bosphorus-barbarian relations in the Hellenistic period are examined in the article. Broadening the range of archaeological sources in the last decade, re-actualizes the problem of the causes of the crisis at the beginning of 3rd century BC in the northern Black Sea coast. Observable changes in the economic and political life of the Bosphorus explained by the Sarmatian aggression to the west is not confirmed. Thereby a chronology and settlement patterns of the Scythian and Sarmatian tribes in the North-Eastern Priazov and Kuban regions - where could come a threat to Bosphorus from.

The study is based on a critical analysis of written, numismatic and archaeological sources, involving the materials of the Sarmatian burial, mounds and settlements of the Lower Don and Kuban region, ceramic complex. Particular attention is drawn to the data obtained in the course of archaeological research in the last decade of the 20th and early 21st centuries. The article draws attention to the materials of the "Great Greek Colony" and its activities on the Lower Don region at the beginning of 3rd century BC.

The article also contains a description of the Bosphorus-Meotian trading in the Kuban region and mentions the factors that may have determined its reduction.

Keywords: the Bosphorus, social and political development, archaeological researches, the monuments of the Kuban area, the lower Don territory, Scythian, Sarmatian, Meotian tribes.

Примітки:

1. Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху / отв. ред. К. К. Марченко. – СПб. : Алетейя, 2005. – 463с.
2. Коваленко А.Н. Северо-Восточное Приазовье во второй половине IV – первой трети III вв. до н.э.: автореф дисс. на соискание учен. степени канд. ист. наук: спец. 07.00.06. «Археология» / А.Н. Коваленко. – СПб., 2009. – 27 с.; Глебов В. П. Раннесарматская культура Нижнего Подонья II–I вв. до н.э.: автореф дисс. на соискание учен. степени канд. ист. наук: спец. 07.00.06. «Археология» / В.П. Глебов. – М., 2010; Харченко А.А. Этнополитические процессы на Восточной окраине античного мира :на материале Северо-Восточного Приазовья III–I вв. до н.э. автореф дисс. на соискание учен. степени канд. ист. наук: спец. 07.00.03. «Всеобщая история » / А.А. Харченко. – Ростов-на-Дону, 2007.
3. Среднесарматская культура. Статистическая обработка погребальных памятников. Азиатской Сарматии. Вып. III. – М., 2002.
4. Коваленко А.Н. К вопросу о торговых связях большой греческой колонии на месте Елизаветовского городища / А.Н. Коваленко, Е.В. Янатьева // Нижний Дон – этнические контакты: Сборник докладов IV Донских археологических чтений, посвященных памяти Е.И. Беспалого. – Ростов-на-Дону, 2002. – С. 27–29.
5. Коваленко А.Н. Северо-Восточное Приазовье...С.23.
6. Там же.
7. Марченко К.К. Боспорские колонии на территории Елизаветовского городища на Дону / К.К. Марченко // Вопросы истории и археологии Боспора. – Воронеж – Белгород, 1991. – С.53–62; Коваленко А.Н. Погребальные комплексы второй половины IV в. до н.э. Елизаветовского могильника / А.Н. Коваленко // РА. – 2008. – № 1.– С.53–62.
8. Арсеньева Т.М. Новые данные об эллинистическом Танаисе (по материалам раскопок последних лет. 1999–2000 гг.)/ Т.М.Арсеньева, С.А. Науменко // ИАИАНД 1999–2000 г. – Азов, 2001. – Вып. 17.– С.176–183; Арсеньева Т.М. Новые данные о фортификации Танаиса / Т.М.Арсеньева, С.А. Науменко // ДБ. – М., 2004. – Т. 7. – С.29–73.
9. Харченко А.А. Указ. соч.
- 10.Максименко В. Е. Сарматы на Дону / В. Е. Максименко // Донские древности. – Вып.6. – Азов, 1998. – С.14–21; Максименко В. Е. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону / В. Е. Максименко. – Ростов – на – Дону : Изд – во РГУ, 1983. – 223 с.

11. Глебов В.П. Раннесарматская культура Нижнего Подонья...; Глебов В. П. О «сарматской» концепции кризиса первой половины III в. до н.э. в Северном Причерноморье // БК Материалы IV Боспорских чтений. – Керчь, 2003. – С.80–88.
12. Глебов В.П. Раннесарматская культура Нижнего Подонья...
13. Марченко И.И. Сираки Кубани (по материалам курганных погребений Нижней Кубани) / И.И. Марченко. – Краснодар, 1996. – С. 84–85, 113–117.
14. Улитин В.В. Торговые связи племен Прикубанья с античным миром в конце VII – первой половине I в. до н.э. (по данным амфорной тары): автореф: дис. на соискание учен. степени канд. ист. наук : 07.00.06 «Археология» / В.В. Улитин. – СПб., 2006. Рис. 2; Улитин В. Упадок греко–меотской торговли в первой половине III в. до н.э. и начало заката боспорского хлебного экспорта / В.В. Улитин // БФ. – 2011.
15. Анфимов Н.В. Из прошлого Кубани / Н.В. Анфимов.– Краснодар, 1958. – С. 52.
16. Марченко И.И. Указ соч. – С. 117.
17. Аптекарев А.З. К вопросу о восточной границе Боспорского царства во второй половине IV первой половине III в. до н.э. / А.З. Аптекарев // Первая Кубанская археологическая конференция: Тез. докл. Краснодар, 1989; Абрамзон М.Г. Корпус боспорских кладов античных монет. Т. 1. (1834–2005) / М.Г. Абрамзон, Н.А. Фролова. – Симферополь; Керчь, 2007–2008. – С.105–108, 113–123.
18. Аптекарев А.З. Указ.соч.
19. Молев Е.А. Боспор в период эллинизма / Е. А. Молев. – Н. Новгород, 1994. – С. 44.
20. Марченко И.И. Сираки Кубани. – Рис.1.
21. Терещенко А.Е. Истоки экономического кризиса III в. до н.э. // РА. –2010. – № 4. – С. 58.
22. Масленников А.А. Эллинская хора на краю Ойкумены. Сельская территория европейского Боспора в античную эпоху / А. А. Масленников. – М. : Индрик, 1998. – С. 184.
23. Паромов Я.М. Основные этапы освоения Таманского полуострова в античную эпоху. Дисс.... канд. ист. наук М., 1994. / Я.М. Паромов. – Архив ИИМК РАН. Ф.35. оп.2Д. № 518,519. – С. 9–10.
24. Улитин В.В. Роль Прикубанья в экономической истории античного мира // Академклуб. Исторические науки. Вып. 2. Античная история и классическая археология. – М., 2006. С. 135–136.
25. Шевченко Н.Ф. Виноградный 1 – поселение эпохи эллинизма в степном Закубанье // БК Этнические процессы. V Боспорские чтения. Керчь, 2004. – С. 417.
26. Терещенко А.Е. Истоки экономического кризиса III в. до н.э. // РА. – 2010. – № 4.– С. 58.

Список сокращений

- БК Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Керчь
- БФ Боспорский феномен. Санкт–Петербург
- ДБ Древности Боспора
- ИАИАИАНД Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону
- РА Российская археология.

Рукопис до редакції надійшов 07.10.2013 р.